

Ребро Адама

Автор:

Владимир Кунин

Ребро Адама

Владимир Владимирович Кунин

Одновременно грустная и смешная история о жизни четырех женщин одной семьи: интеллигентной Нины Елизаровны, ее дочерей, романтической Лиды и бойкой Настюхи, и «главы семейства» – Бабушки... Главное в жизни для каждой из них – любить и быть любимой, но мужчины в их доме – лишь случайные гости. Несмотря на череду неудач, женщины искренне стремятся к счастью...

Владимир Кунин

Ребро Адама

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

?

На рассвете в блекло-серой стариковской толпе блочных хрущоб, взламывая тоскливый пятиэтажный ранжир, внуками-акселератами редко и нелепо торчат сытые восемнадцатизэтажные красавцы из оранжево-бежевого кирпича.

И все-таки это Москва, Москва, Москва... И не так уж далеко от центра. По нынешнему счету – рукой подать. Ровно посередине: между ГУМом и Окружной

дорогой.

Двухкомнатные квартиры в пятиэтажках – обычные для всей страны. Крохотная кухонька, совмещенный санузел, проходная комната побольше, тупиковая – поменьше. Обветшалая современная мебель стоит вперемешку с александровскими и павловскими креслицами и шкафчиками красного дерева. В облупившемся багете – два пейзажа начала века кого-то из Клеверов.

В полупотемках громко тикает будильник. Через десять минут, ровно в семь, он безжалостно затрезвонит на всю квартиру.

Нина Елизаровна проснулась до звонка и со своего дивана следит за неотвратимым движением красной секундной стрелки. Нине Елизаровне – сорок девять. Она красива той породистой, интеллигентной красотой, которая приходит к простоватым хорошеньким женщинам только в зрелом возрасте и вселяет обманчивую уверенность в окружающих, что в молодости она была чудо как хороша!..

По другую сторону обеденного стола, на раскладушке, в глубоком утреннем сне разметалась младшая дочь Нины Елизаровны от второго брака – пятнадцатилетняя Настя. Вдруг из-за приоткрытой двери во вторую комнату, в абсолютной тишине, раздается мощный удар колокола!..

Настя тут же натягивает одеяло на голову. Нина Елизаровна зевает и слегка раздраженно спрашивает:

– Ну что там еще?

И женский голос из-за двери спокойно отвечает:

– Все нормально, мамуля. Спи. Бабушка судно просит.

В маленькой комнате на огромной кровати красного дерева лежит парализованная, потерявшая речь семидесятивосьмилетняя мать Нины

Елизаровны. Над постелью уйма фотографий в стареньких рамочках.

У старухи действует только одна правая рука, и для общения с миром над ее головой к стене прикреплена старинная корабельная рында. Когда Бабушке нужно обратить на себя внимание или кого-то позвать, она дергает за веревку, свисающую от языка колокола, и тогда медный церковный гул несется по всей квартире...

Происхождение корабельной рынды в этом сугубо женском мире можно угадать по фотографиям ушедших лет: Бабушка в фетровой шляпке с Дедушкой в довоенном флотском кителе; Дедушка в орденах с Бабушкой и маленькой Ниной; Дедушка в адмиральском мундире; совсем юный Дедушка в матросской форменке...

Здесь же, на узкой кушетке пятидесятих годов, живет двадцатилетняя Лида – старшая дочь Нины Елизаровны от первого брака.

Полуодетая Лида ловко и привычно подсовывает под старуху судно, прислушивается к приглушенному одеялом журчанию и ласково говорит:

– Ну вот и славненько...

Лицо старухи неподвижно. Только глаза живо и неотрывно следят за Лидой и слабо шевелится правый угол беззубого рта.

– Сейчас, сейчас, – понимает Лида и подает Бабушке поильник.

Старуха удовлетворенно прикрывает глаза и начинает пить холодный чай. Из левого неподвижного уголка рта чай выливается на дряблую морщинистую щеку, затекает на шею, растворяется на подушке мокрым желтоватым пятном. Лида терпеливо подкладывает заранее приготовленное полотенце.

В комнату входит Нина Елизаровна:

– Доброе утро, мама. Тебе овсянку сделать или манную?

У старухи чуть вздрагивает правый уголок рта. Нина Елизаровна вопросительно смотрит на старшую дочь. Лида тут же «переводит»:

– Бабушка сегодня хочет овсянку. Мамуля, где последний «Огонек» со статьей этого... ну как его?!

В большой комнате звенит будильник.

– Настя! Вставай! – кричит Нина Елизаровна. – Лидуня, я понятия не имею, где «Огонек»... Настя! Черт бы тебя побрал! Ты когда-нибудь научишься просыпаться сама?

– Ну мамочка... – ноет Настя из другой комнаты.

Лида накидывает старенький халатик и говорит Нине Елизаровне:

– Мамуля, покорми, пожалуйста, бабушку, а я в ванную.

По дороге она расталкивает Настю.

– Настюхочка, вынеси судно из-под бабушки.

– Нет! Нет! Нет!.. – вопит Настя. – Я туда даже входить не могу! Там запах! Меня тошнит!

– Это подло. Бабушка тебя на руках вынянчила, – горько говорит Лида и уходит в ванную.

– А я просила?! Я просила, чтобы она меня нянчила?!

– Анастасия! Немедленно вынеси судно! Лидочка живет в той комнате, а ты... – кричит Нина Елизаровна.

– А может, она принюхалась?! А меня вырвет!

– Не вырвет.

Нина Елизаровна проходит в ванную, где Лида уже принимает душ за полупрозрачной пленкой.

Нина Елизаровна плотно прикрывает дверь, берет зубную щетку, выдавливает на нее пасту и вдруг начинает внимательно разглядывать в зеркале каждую морщинку на лице. Многое ей не нравится в своем отражении! Она досадливо морщится и решительно начинает чистить зубы.

- Вчера вечером звонил твой отец.

- Что ему было нужно? - спрашивает Лида.

- Понятия не имею. Наверное, опять хотел пригласить тебя на их собрание.

- Боже меня упаси! Ничего более отвратительного я... Я вообще не понимаю, как папа - адвокат, интеллигентный человек...

- Да какой он интеллигентный? - Нина Елизаровна сплюнула пасту в раковину. - О чем ты говоришь?! Типичная советская образованщина. Вся жизнь был напыщен, глуп и безапелляционен. Да и мужик... крайне посредственных возможностей...

- Бедная мамочка, куда же ты смотрела?

- Дура была. Молоденькая дура... А как только я вышла за Александра Наумовича, твой папа совершенно чокнулся: его личный счет к Александру Наумовичу сразу приобрел идейно-национальную окраску. Что у тебя с Андреем Павловичем?

- Ничего нового...

- Он собирается делать какие-то шаги?

Ответить Лида не успевает. В дверях ванной появляется Настя в одних крохотных трусиках:

- Вы скоро? Я на горшок хочу.

- Что ты шляешься без тапочек, да еще и сиськами размахиваешь? - рявкает Нина Елизаровна. - Сейчас же надень лифчик!

- Лифчики уже давно никто не носит, - нахально заявляет Настя. - Конечно, кому грудь позволяет.

- А по заднице не хочешь? - обижается Нина Елизаровна.

- Нет. Я на горшок хочу.

?

Бабушка напряженно прислушивается к перебранке, глядя в проем двери. Затем ее взгляд скользит по стене со старыми фотографиями. И останавливается на одной, где совсем еще юная Бабушка (ну копия нынешней Насти!..) вместе с тощим семнадцатилетним Дедушкой и его Другом сидят под роскошными нарисованными пальмами.

В глазах Бабушки начинают меркнуть цвета ее сиюсекундного восприятия мира, и уже в черно-белом изображении, сначала неясно, а потом все четче и четче Бабушка видит...

...Дедушку, себя и их Друга за столом на крохотной клубной сцене. Бабушка размахивает руками, что-то решительно кричит в небольшой зальчик, набитый шумной комсомолией тридцатых годов. Дедушка и его Друг восхищенно переглядываются за ее спиной - вот какая у них подруга! Бабушка видит их краем глаза и от этого безмерно счастлива!..

Видение исчезает, мир снова становится цветным. Неопрятная парализованная старуха медленно поднимает единственную живую правую трясущуюся руку, берет веревку от корабельной рынды и...

Бом-м-м!!! Колокольный звон заполняет квартиру.

Голая Лида выскакивает из-под душа, накидывает на себя халатик, щелкает Настю по голове и с криком: «Господи! Судно! Какой стервозный ребенок вырос!» – мчится в комнату Бабушки.

Но вот Бабушка накормлена и причесана, все позавтракали, постели убраны.

За кухонным столом, друг против друга, каждая со своим зеркальцем, сидят Нина Елизаровна и Настя. Наводят утренний макияж.

– Положи сейчас же мою кисточку, – строго говорит Нина Елизаровна Насте. – И не лезь пальцами в крем, лахудра! Ты свое дурацкое ПТУ сначала закончи, а потом рожу разрисовывай!

– Мамуля, я прохожу производственную практику во взрослом коллективе и обязана быть на уровне. А во-вторых, у нас не ПТУ, а Школа торгового ученичества.

– Огромная разница – Кембридж и Сорбонна! – Нина Елизаровна встает, вынимает из кухонного шкафчика деньги: – Так! Маленькое объявление! На носу день рождения Бабушки, и я резко сокращаю расходы. Лидочка! Тебе двух рублей на сегодня хватит?

– Да! Да! – кричит из комнаты Лида. – Я еще, может быть, завтра получу отпускные и кое-что оставлю вам. Господи! Ну где же моя голубая косыночка?!

– Настя, тебе – рубль. Себе я беру... Вермишель... Масло... Хлеб... Картошка... Короче, на всякий случай я беру пять рублей, – говорит Нина Елизаровна, и жалкие остатки семейных денег снова исчезают в кухонном шкафчике.

С улицы раздается автомобильный сигнал. Настя прыгает к окну:

– Лидуня, твой приехал!..

– Настя... – укоризненно шипит Нина Елизаровна.

- О боже!.. - стонет Лида. - Ну где?.. Где моя голубая косыночка?! Настя, ты не видела, где моя косыночка?

Настя невозмутимо снимает с шеи голубую косынку:

- На, на, нужна она мне. Тьфу!..

Лида возмущенно охает, хватая косынку и мчится к дверям.

Через окно Настя видит, как Лида выскакивает на улицу, как целует ее Андрей Павлович, и задумчиво говорит:

- Странно. Кандидат... В таком прикиде... А тачка - полное говно.

- Настя! - возмущенно кричит Нина Елизаровна.

Неподвижно лежит в своей комнате Бабушка. Все видит, все слышит.

Андрей Павлович старше Лиды лет на десять. Машиной он управляет легко, свободно, как истинный москвич водитель, раз и навсегда решивший для себя, что «автомобиль не роскошь, а средство».

На ходу Андрей Павлович целует Лиду в щеку, вытаскивает из бардачка связку квартирных ключей и весело потряхивает ими перед лицом Лиды.

- Новая хата? - спрашивает Лида.

- Ну зачем так цинично? Я бы назвал это «смена явки». Пароль тот же. Рыжов уехал в Ленинград и оставил нам это. Так что после работы я в твоём распоряжении до двадцати трех часов.

- А к двадцати трем вернется Рыжов?

- Нет. Он уехал на неделю. Это я должен к двадцати трем...

– А! Вон оно что...

Тут Андрей Павлович огорчается и прячет ключи.

– Ну Лидка... Это уже ниже пояса... Ты же знаешь...

Лида наклоняется к его правой руке, лежащей на руле, целует ее и жалобно, раскаянно бормочет:

– Прости меня, Андрюшенька... Прости меня, дуру тоскливую. Просто после двадцати трех я каждый раз становлюсь такой одинокой...

– Ладно, ладно тебе. – Андрей Павлович растроганно гладит Лиду по лицу, притормаживает машину и останавливается у тротуара.

Лида обреченно вздыхает, открывает дверцу и покорно выходит.

Автомобиль Андрея Павловича трогается с места, проезжает сто метров до перекрестка и сворачивает за угол. Лида пешком шагает в том же направлении...

...Зато когда через десять минут Лида входит в свой многолюдный отдел, Андрей Павлович с обаятельной непосредственностью приветствует ее первым:

– Доброе утро, Лидочка! Здравствуйте! – И машет ей рукой.

– Доброе утро, Андрей Павлович, – отвечает Лида и проходит к своему рабочему столу. – Здравствуйте, девочки.

И все тоже радостно здороваются с Лидой. Все действительно рады видеть ее, Андрея Павловича, друг друга и ощущать себя замечательным дружным коллективом, объединенным не только общим делом, но и общей, очень личной тайной...

Сквозь открытую дверь Бабушка видит опустевшую большую комнату, старые настенные часы с безжизненным маятником, потом – фотографии над своей кроватью.

На одной – прифранченная компания у дверей Замоскворецкого загса. В центре девятнадцатилетняя Бабушка с розочкой в волосах и военный морячок Дедушка. Тут же Друг в форме курсанта какого-то училища. Все уставились в объектив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kunin_vladimir/rebro-adama

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)